

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ИВАН
ПУТИЛИН

Сорок лет
среди грабителей
и убийц

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
П90

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Путилин, Иван Дмитриевич.

П90 Сорок лет среди грабителей и убийц / Иван Путилин. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-200555-8

Первый начальник Санкт-Петербургской сыскальной полиции Иван Дмитриевич Путилин (1830—1893) стал знаковой фигурой русского сыска. Он умел определить убийцу по мельчайшим зацепкам и довести дело до конца, даже если оно заходило в тупик. В своих воспоминаниях Путилин обращается к интересным и шокирующим случаям из рабочей практики.

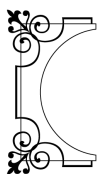
В книгу вошли 22 детективных рассказа, написанные в соавторстве с публицистом М. Шевляковым, а также «Очерк некоторых видов воровства в Петербурге».

Сборник предваряет статья Анатолия Кони (1844—1927) — прокурора и судебного оратора Российской империи.

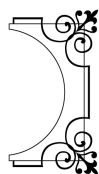
УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-200555-8

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

АНАТОЛИЙ ФЕДОРОВИЧ КОНИ¹

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ПУТИЛИН

Начальник петербургской сыскной полиции Иван Дмитриевич Путилин был одной из тех даровитых личностей, которых умел искусно выбирать и не менее искусно держать в руках старый петербургский градоначальник Ф. Ф. Трепов². Прошлая деятельность Путилина, до поступления его в состав сыскной полиции, была, чего он сам не скрывал, зачастую весьма рискованной в смысле законности и строгой морали; после ухода Трепова из градоначальников отсутствие надлежащего надзора со стороны Путилина за действиями некоторых из подчиненных вызвало большие на него нарекания. Но в то время, о котором я говорю (1871—1875), Путилин не распускал ни себя, ни своих сотрудников и работал над своим любимым делом с несомненным желанием оказывать действительную помощь трудным задачам следственной части. Этому, конечно, способствовало в значительной степени и влияние таких

¹ Анатолий Федорович Кони (1844—1927) — русский юрист и судья, судебный оратор, писатель-мемуарист.

² Федор Федорович Трепов (1809 или 1812—1889) — русский государственный и военный деятель, генерал-адъютант (1867), генерал от кавалерии (1878).

людей, как, например, Сергей Филиппович Христианович, занимавший должность правителя канцелярии градоначальника. Отлично образованный, неподкупно честный, прекрасный юрист и большой знаток народного быта и литературы, близкий друг И. Ф. Горбунова¹, Христианович был по личному опыту знаком с условиями и приемами производства следствий. Его указания не могли пройти бесследно для Путилина. В качестве опытного пристава следственных дел Христианович призывался для совещания в комиссию по составлению Судебных уставов. Этим уставам служил он как правитель канцелярии градоначальника, действуя — при пересечении двух путей: административного усмотрения и судебной независимости — как добросовестный, чуткий и опытный стрелочник, устраняя искусной рукой, с тактом и достоинством, неизбежные разногласия, могшие перейти в резкие столкновения, вредные для роста и развития нашего молодого, нового суда. На службе этим же уставам, в качестве члена Петербургской судебной палаты, окончил он свою не шумную и не блестящую, но истинно полезную жизнь. Близкое знакомство с таким человеком и косвенная от него служебная зависимость не могли не удерживать Путилина в строгих рамках служебного долга и нравственного приличия.

По природе своей Путилин был чрезвычайно даровит и как бы создан для своей должности. Необыкновенно тонкое внимание и чрезвычайная наблюдательность, в которой было какое-то особое чутье, заставлявшее его вглядываться в то, мимо чего все проходили безучастно, соединялись в нем со спокойной сдержанностью, большим юмором и своеобразным лукавым добродушием. Умное лицо, обрамленное длинными густыми бакенбардами, пронизательные карие глаза,

¹ Ив́ан Федорович Горбуно́в (1831—1895) — русский прозаик, мемуарист, актер. Мастер исполнения устных рассказов.

мягкие манеры и малороссийский выговор были характерными наружными признаками Путилина. Он умел отлично рассказывать и еще лучше вызывать других на разговор и писал недурно и складно, хотя место и степень его образования были, по выражению И. Ф. Горбунова, «покрыты мраком неизвестности». К этому присоединялась крайняя находчивость в затруднительных случаях, причем про него можно было сказать, «qu'il connaissait son monde»¹, как говорят французы. По делу о жестоком убийстве для ограбления купца Бояринова и служившего у него мальчика он разыскал по самым почти неуловимым признакам заподозренного им мещанина Богрова, который, казалось, доказал свое alibi (инобытность) и с самоуверенной усмешечкой согласился поехать с Путилиным к себе домой, откуда все было им уже тщательно припрятано. Сидя на извозчике и мирно беседуя, Путилин внезапно сказал: «А ведь мальчишка-то жив!» «Неужто жив?» — не отдавая себе отчета, воскликнул Богров, утверждавший, что никакого Бояринова знать не знает, — и сознался...

В Петербурге в первой половине семидесятых годов не было ни одного большого и сложного уголовного дела, в розыск по которому Путилин не вложил бы своего труда. Мне наглядно пришлось ознакомиться с его удивительными способностями для исследования преступлений в январе 1873 года, когда в Александроневской лавре было обнаружено убийство иеромонаха Иллариона. Илларион жил в двух комнатах отведенной ему кельи монастыря, вел замкнутое существование и лишь изредка принимал у себя певчих и поил их чаем. Когда дверь его кельи, откуда он не выходил два дня, была открыта, то вошедшим представилось ужасное зрелище. Илларион лежал мертвый в огромной луже запекшейся крови, натекающей из множества ран,

¹ Что он знал свой мир (*фр.*).

нанесенных ему ножом. Его руки и лицо носили следы борьбы и порезов, а длинная седая борода, за которую его, очевидно, хватал убийца, нанося свои удары, была почти вся вырвана, и спутанные, обрызганные кровью клочья ее валялись на полу в обеих комнатах. На столе стоял самовар и стакан с остатками недопитого чая. Из комода была похищена сумка с золотой монетой (отец Илларион плывал за границей на судах в качестве иеромонаха). Убийца искал деньги между бельем и тщательно его пересмотрел, но, дойдя до газетной бумаги, которой обыкновенно покрывается дно ящиков в комодах, ее не приподнял, а под ней-то и лежали процентные бумаги на большую сумму. На столе у входа стоял медный подсвечник, в виде довольно глубокой чашки с невысоким помещением для свечки посередине, причем от сгоревшей свечки остались одни следы, а сама чашка была почти на уровень с краями наполнена кровью, ровно застывшей без всяких следов брызг.

Судебные власти прибыли на место как раз в то время, когда в соборе совершалась торжественная панихида по Сперанскому¹ — в столетие со дня его рождения. На ней присутствовали государь и весь официальный Петербург. Покуда в соборе пели чудные слова заупокойных молитв, в двух шагах от него, в освещенной зимним солнцем келье, происходило вскрытие трупа несчастного старика. Состояние пищи в желудке дало возможность определить, что покойный был убит два дня назад вечером. По весьма вероятным предположениям, убийство было совершено кем-нибудь из послушников, которого старик пригласил пить чай. Но кто мог

¹ Граф (1839) Михаил Михайлович Сперанский (1772—1839) — русский общественный и государственный деятель, реформатор, законодворец. Выходец из духовного сословия, сын священника, благодаря своим способностям и трудолюбию привлек внимание императора Александра I и, заслужив его доверие, возглавил его реформаторскую деятельность.

быть этот послушник, выяснить было невозможно, так как оказалось, что в монастыре временно проживали, без всякой прописки, послушники других монастырей, причем они уходили совсем из лавры, в которой проживал сам митрополит, не только никому не сказавшись, но даже, по большей части, проводили ночи в городе, перелезая в одном специально приспособленном месте через ограду святой обители.

Во время составления протокола осмотра трупа приехал Путилин. Следователь сообщил ему о затруднении найти обвиняемого. Он стал тихонько ходить по комнатам, посматривая туда и сюда, а затем, задумавшись, стал у окна, слегка барабанил пальцами по стеклу. «Я пошлю, — сказал он мне затем вполголоса, — агентов (он выговаривал «ахентов») по пригородным железным дорогам. Убийца, вероятно, кутит где-нибудь в трактире, около станции». «Но как же они узнают убийцу?» — спросил я. «Он ранен в кисть правой руки», — убежденно сказал Путилин. «Это почему?» — «Видите этот подсвечник? На нем очень много крови, и она натекла не брызгами, а ровной струей. Поэтому это не кровь убитого, да и натекла она после убийства. Ведь нельзя предположить, чтобы напавший резал старика со свечкой в руках: его руки были заняты — в одной был нож, а другою, как видно, он хватал старика за бороду». — «Ну, хорошо. Но почему же он ранен в правую руку?» — «А вот почему. Пожалуйте сюда к комоду. Видите, убийца тщательно перерыл все белье, отыскивая между ним спрятанные деньги. Вот, например, дюжина полотенец. Он внимательно переворачивал каждое, как перелистывают страницы книги, и видите — на каждом свернутом полотенце снизу — пятно крови. Это правая рука, а не левая: при переворачивании левой рукой пятна были бы сверху...»

Поздно вечером, в тот же день, мне дали знать, что убийца арестован в трактире на станции Любань. Он

оказался раненным в ладонь правой руки и расплачивался золотом.

Доставленный к следователю, он сознался в убийстве и был затем осужден присяжными заседателями, но до отправления в Сибирь сошел с ума. Ему, несчастному, в неистовом бреду все казалось, что к нему лезет о. Илларион, угрожая и проклиная...

Путилин был очень возбужден и горд успехом своей находчивости. У судебного следователя, в моем присутствии, пустился он с увлечением в рассказы о своем прошлом. Вот что, приблизительно, как записано в моем дневнике, он нам рассказал тогда.

«Настоящее дело заурядное, да теперь хороших дел и не бывает; так все — дрянцо какое-то. И преступники настоящие перевелись — ничего нет лестного их ловить. Убьет и сейчас же сознается. Да и воров настоящих нет. Прежде, бывало, за вором следишь да за жизнь свою опасаяешься: он хоть только и вор, а потачки не даст! Прежде вор был видный во всех статьях, а теперь что? — жалкий, плюгавый!

Ваш суд его осудит, и он отсидит свое, — ну, затем вышлют его на родину, а он опять возвращается. Они ведь себя сами «Спиридонами-поворотами» называют. Мои агенты на железной дороге его узнают, задержат да и приведут ко мне: голодный, холодный, весь трясется — посмотреть не на что».

Говоришь ему: «Ты ведь, братец, вор». — «Что ж, Иван Дмитриевич, греха нечего таить — вор». — «Так тебя следует выслать». — «Помилуйте, Иван Дмитриевич!» — «Ну какой ты вор?! Вор должен быть из себя видный, рослый, одет по-почтенному, а ты? Ну посмотри на себя в зеркало — ну какой ты вор? Так, мразь одна». — «Что ж, Иван Дмитриевич, Бог счастья не дает. Уж не высылайте, сделайте божескую милость, позвольте покормиться». — «Ну хорошо, неделю погуляй, покормись, а через неделю, коли не попадешься до тех пор,

вышло: тебе здесь действовать никак невозможно...» То ли дело было прежде, в сороковых да пятидесятых годах. Тогда над Апраксиным рынком был частный пристав Шерстобитов — человек известный, ума необыкновенного. Сидит, бывало, в штофном халате, на гитаре играет романсы, а канарейка в клетке так и заливается.

Я же был у него помощником, и каких дел не делали, даже вспомнить весело! Раз зовет он меня к себе да и говорит: «Иван Дмитриевич, нам с тобою, должно быть, Сибири не миновать!» «Зачем, — говорю, — Сибирь?» «А затем, — говорит, — что у французского посла, герцога Монтебелло, сервиз серебряный пропал и государь император Николай Павлович приказал обер-полицмейстеру Галахову, чтобы был сервиз найден. А Галахов мне да тебе велел найти во что бы то ни стало, а то, говорит, я вас обоих упеку куда Макар телят не гонял». «Что ж, — говорю, — Макаром загодя страшать, попробуем, может, и найдем». Перебрали мы всех воров — нет, никто не крал! Они и промеж себя целый сыск произвели получше нашего. Говорят: «Иван Дмитриевич, ведь мы знаем, какое это дело, но вот образ со стены готовы снять — не крали этого сервиза!» Что ты будешь делать? Побились мы с Шерстобитовым, побились, собрали денег, сложились да и заказали у Сазикова новый сервиз по тем образцам и рисункам, что у французов остались. Когда сервиз был готов, его сейчас в пожарную команду, сервиз-то... чтобы его там губами ободрали: пусть имеет вид как бы был в употреблении. Представили мы сервиз французам и ждем себе награды. Только вдруг зовет меня Шерстобитов. «Ну, — говорит, — Иван Дмитриевич, теперь уж в Сибирь все-непременно». «Как, — говорю, — за что?» «А за то, что звал меня сегодня Галахов и ногами топал и скверными словами ругался. «Вы, — говорит, — с Путилиным плуты, ну и плутуйте, а меня не подводите.

Вчера на балу во дворце государь спрашивает Монтебелло: «Довольны ли вы моей полицией?» «Очень, — отвечает, — ваше величество, доволен: полиция эта беспримерная. Утром она доставила мне найденный ею украденный у меня сервиз, а накануне поздно вечером камердинер мой сознался, что этот же самый сервиз заложил одному иностранцу, который этим негласно промышляет, и расписку его мне представил, так что у меня теперь будет два сервиза». Вот тебе, Иван Дмитриевич, и Сибирь!» «Ну, — говорю, — зачем Сибирь, а только дело скверное». Поиграл он на гитаре, послушали мы оба канарейку да и решили действовать. Послали узнать, что делает посол. Оказывается, уезжает с наследником-цесаревичем на охоту. Сейчас же к купцу знакомому в Апраксин, который ливреи шил на посольство и всю ихнюю челядь знал. «Ты, мил-человек, когда именинник?» — «Через полгода». — «А можешь ты именины справить через два дня и всю прислугу из французского посольства пригласить, а угощенье будет от нас?» Ну, известно, свои люди, согласился. И такой-то мы у него бал задали, что небу жарко стало. Под утро всех развозить пришлось по домам: французы-то совсем очумели, к себе домой-то попасть никак не могут, только мычат. Вы только, господа, пожалуйста, не подумайте, что в вине был дурман или другое какое снадобье. Нет, вино было настоящее, а только французы слабый народ: крепкое-то на них и действует.

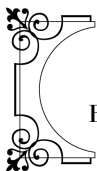
Ну-с, а часа в три ночи пришел Яша-вор. Вот человек-то был! Душа! Сердце золотое, незлобивый, услужливый, а уж насчет ловкости, так я другого такого не видывал.

В остроге сидел бесменно, а от нас доверием пользовался в полной мере. Не теперешним вора чета был. Царство ему небесное! Пришел и мешок принес: вот, говорит, извольте сосчитать, кажись, все. Стали мы с Шерстобитовым считать: две ложки с вензелями лиш-

них. «Это, — говорим, — зачем же, Яша? Зачем ты лишнее брал?» «Не утерпел», — говорит... На другой день поехал Шерстобитов к Галахову и говорит: «Помилуйте, ваше высокопревосходительство, никаких двух сервизов и не бывало. Как был один, так и есть, а французы народ ведь легкомысленный, им верить никак невозможно». А на следующий день затем вернулся и посол с охоты. Видит — сервиз один, а прислуга вся с перепоею зеленая да вместо дверей в косяк головой тычется. Он махнул рукой да об этом деле и замолк».

«Иван Дмитриевич, — сказал я, выслушав этот рассказ, — а не находите вы, что о таких похождениях, может быть, было бы удобнее умалчивать? Иной ведь может подумать, что вы и до сих пор действуете по-шерстобитовски...» «Э-э-эх! Не те времена, и не такое мое положение, — отвечал он. — Знаю я, что похождения мои с Шерстобитовым не совсем-то удобны, да ведь давность прошла, и не одна, а, пожалуй, целых три. Ведь и Яши-то вора — царство ему небесное! — лет двадцать как в живых уж нет».

ИВАН ПУТИЛИН
В СОВАВТОРСТВЕ С М. ШЕВЛЯКОВЫМ

СОРОК ЛЕТ
СРЕДИ ГРАБИТЕЛЕЙ И УБИЙЦ

ТАИНСТВЕННОЕ УБИЙСТВО
АВСТРИЙСКОГО ВОЕННОГО АГЕНТА

Вот одно из самых диких и, как потом выяснилось, одно из самых бессмысленнейших преступлений, доставившее мне очень много хлопот и тревог... Слава богу, сыск оказался на высоте и все окончилось благополучно, если только можно в данном случае говорить о каком-то благополучии. Но сначала скажу несколько слов об обстоятельствах и времени, когда случилось это неслыханное по своей дикости преступление.

Это было в начале моей деятельности в качестве первого начальника управления сыскной полиции, учрежденного при Санкт-Петербургском обер-полицеймейстере (потом градоначальнике), в 1866 году. Почти одновременно с этим вводились в практику новые судебные уставы, поэтому между представителями созданных судебных учреждений и сыскной частью часто возникали разные недоумения на почве выяснения взаимных прав и прерогатив.

Случай тяжелого испытания, как для новоучрежденной прокурорской и следственной власти, так и для сыска новой организации, представился в 1871 году, когда с учетом личности убитого и могущих отсюда произойти политических недоразумений было катего-

рически потребовано свыше, чтобы преступники были обнаружены немедленно и во что бы то ни стало...

Итак, 25 апреля 1871 года в девятом часу утра мне сообщили, что австрийский военный посол князь Людвиг фон Аренсберг найден камердинером мертвым в своей постели.

Скажу несколько слов о личности и жизни князя.

Он жил на Миллионной улице в бывшем доме князя Голицына, близ Зимнего дворца, как раз напротив помещения первого батальона Преображенского полка. Князь занимал весь нижний этаж дома, который окнами выходил на улицу. Квартира имела два входа: парадный — с выездом на Миллионную — и черный. Парадные комнаты сообщались с людскими довольно длинным коридором, оканчивавшимся небольшими сенями. Верхний этаж дома не был занят.

У князя было шесть человек прислуги: камердинер, повар, кухонный мужик, берейтор и два кучера. Но из всех лишь один кухонный мужик безотлучно находился при квартире, ночуя в людской. Камердинер и повар на ночь уходили к своим семьям, жившим отдельно, берейтор тоже постоянно куда-то отлучался, кучера же жили во дворе в отдельном помещении.

Князь был человек еще не старый, лет под 60, холостой и прекрасно сохранившийся. Он мало бывал дома. Днем разъезжал по делам и с визитами, обедал обыкновенно у своих многочисленных знакомых и заезжал домой только часов около восьми вечера. Здесь час или два отдыхал, а вечер проводил в яхт-клубе, возвращаясь домой с рассветом.

Не желая, вероятно, иметь свидетелей своего позднего возвращения, а может быть, руководствуясь иными соображениями, но швейцара при парадной входной двери князь не захотел держать и настоял на том, чтобы домовладелец отказал ему. Ключ от парадной двери для ночных возвращений он держал при себе. И когда

князь днем бывал дома, то парадная дверь оставалась открытой.

Получив известие о смерти князя Людвига фон Аренсберга, я, направив к квартиру князя нескольких своих агентов, не теряя ни минуты, сам бросился туда. Вскоре за мной туда же явился прокурор окружного суда, а вслед за ним масса высокопоставленных лиц, в том числе его Императорское Высочество принц Петр Георгиевич Ольденбургский, герцог Мекленбург-Стрелицкий, министр юстиции граф Пален, шеф жандармов граф П. А. Шувалов, австрийский посол граф Хотек, градоначальник Санкт-Петербурга генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов и многие другие... «Отыщи или погибни!» — казалось, говорили мне глаза всех. Надо было действовать...

Дело взволновало весь Петербург. Государь повелел ежечасно докладывать ему о результатах следствия. Надо сознаться, что при таких обстоятельствах, в присутствии такого числа и таких высоких лиц было не только труднее работать и соображать, но даже, как мне казалось, было поставлено на карту существование самой сыскной полиции, не говоря уже о моей карьере.

Предварительный осмотр дал следующее: никаких взломов дверей или окон не было. Злоумышленник (или злоумышленники) вошел в квартиру, очевидно открыв дверь ключом.

Из показаний прислуги выяснилось, что около шести-семи часов утра камердинер князя вместе с поваром возвратились на Миллионную, проведя всю ночь в гостях. В половине девятого камердинер бесшумно вошел в спальню, чтобы разбудить князя. Но при виде царившего в комнате беспорядка остановился как вкопанный, затем круто повернул назад и бросился в людскую.

— Петрович, с князем несчастье! — задыхаясь, сказал он повару, и они оба со всех ног бросились в спаль-

ню, где их глазам представилась картина убийства: опрокинутые ширмы, лежащая на полу лампа, разлитый керосин, сбитая кровать и одеяло на полу. Голые ноги князя торчали у изголовья кровати.

— Оставайся здесь, а я пошлю дворника за полицией, — сказал повар.

Накануне этого несчастного дня, т. е. 24 апреля 1871 года, князь, по обыкновению, пятнадцать минут десятого вечера вышел из квартиры и приказал камердинеру разбудить себя в половине девятого утра. У подъезда он взял извозчика и поехал в яхт-клуб. Камердинер затворил на ключ парадную дверь, поднялся в квартиру и, подойдя к столику в передней, положил туда ключ. (У князя, как я уже говорил, в кармане пальто всегда находился второй ключ, которым он отворял входную дверь, чтобы не беспокоить никого из прислуги; дверь же от квартиры оставалась постоянно открытой.)

Камердинер убрал спальню, приготовил постель, опустил шторы, вышел из комнат, запер их на ключ и через дверь, которая соединяла коридор с сенями, отправился в людскую, где его поджидал повар. Через пятнадцать минут камердинер с поваром сели на извозчика и уехали. Вот и все, что удалось узнать от прислуги.

В спальне князя царил хаос. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что князь был задушен после отчаянного сопротивления. Лицо убитого было закрыто подушкой, а сам он лежал ногами к изголовью. Руки были сложены на груди и завернуты в конец простыни, а затем перевязаны оторванным от оконной шторы шнурком. Ноги были тоже завязаны выше колен собственной рубашкой убитого, а около щиколоток — обрывком бечевки. Когда труп приподняли, то под ним нашли фуражку. Одеяло и подушки валялись на полу, залитом керосином из разбитой и валявшейся тут же лампы. На белье были видны следы крови, вероятно от рук убийц, так как на теле князя никаких ран не было.

По словам камердинера, были похищены разные вещи, лежавшие в столике около кровати: золотые французские монеты, золотые часы, два иностранных ордена, 9 бритв, серебряная мыльница, три револьвера и принадлежавшая покойному пуховая шляпа-цилиндр.

В соседней комнате рядом со спальней вся мебель была перевернута. На крышке несгораемого сундука, где хранились деньги князя и дипломатические документы, были заметны повреждения и следы крови. Видимо, злоумышленники потратили много сил, чтобы открыть сундук или оторвать его от пола, но толстые цепи, которыми он был прикреплен к полу, не поддались. Около окна валялся поясной ремень, на окне стояла маленькая пустая «косушка» и лежал кусочек чухонского масла, завернутый в бумагу. Вот все данные, с которыми предстояло начать поиски.

Чтобы иметь еще какие-нибудь улики, я начал внимательно осматривать убитого и обратил внимание на то, что труп князя лежал головой в сторону, противоположную от изголовья кровати. «Это положение трупа не случайное, — подумал я. — Злодеи во время борьбы прежде всего постарались отдалить князя от сонетки, висевшей как раз над изголовьем, чтобы он не смог позвать к себе на помощь спавшего кухонного мужика. Но так мог поступить, очевидно, только домашний человек, хорошо знавший привычки князя и расположение комнат».

Вот первое заключение, сложившееся у меня в те несколько минут, которые я провел у кровати покойного. Само собой разумеется, что этих предположений я не сообщил ни прокурору, ни всему блестящему обществу, присутствовавшему в квартире князя при осмотре.

Я принялся опять за расспросы камердинера, кучеров, конюха, дворника и кухонного мужика. Не надо было много труда, чтобы убедиться, что между ними убийцы нет. Ни смущения, ни сомнительных ответов,

вообще никаких данных, бросающих хотя бы тень подозрения на домашнюю прислугу князя, не обнаружилось. И все-таки я не отказывался от мысли, что убийца князя — близкий к дому человек.

Тогда я вновь принялся за расспросы прислуги, питая надежду, что среди их знакомых найдутся подозрительные лица. Надо сказать, что прислуга покойного князя, получая крупное жалованье и пользуясь при этом большой свободой, весьма дорожила своим местом и жила у князя по нескольку лет. Исключение в данном случае составлял кухонный мужик, который поступил на работу к князю не более трех месяцев тому назад.

Прекрасная аттестация о нем графа Б., у которого он служил десять лет до отъезда последнего за границу, все собранные о нем сведения и правдивые ответы о том, как он провел последнюю ночь, внушали полную уверенность в его непричастности к этому делу.

Я уже хотел закончить его допрос, как вдруг у меня появилась мысль спросить про кухонного мужика, который жил у князя до его поступления.

— Я поступил к князю, когда уже был рассчитан прежде служивший кухонный мужик, потому я его не видал и ничего о нем не знаю.

Стоявший тут же дворник при последних словах кухонного мужика сказал:

— Да он вчера был здесь.

— Кто это «он»? — спросил я у дворника.

— Да Гурий Шишков, прежний кухонный мужик, служивший у князя! — последовал ответ.

После расспросов прислуги и дворников оказалось, что служивший месяца три тому назад у князя кухонным мужиком крестьянин Гурий Шишков, только что отсидевший в тюрьме свой срок по приговору мирового судьи за кражу, заходил за день до убийства во двор этого дома, чтобы получить расчет за прежнюю службу. Но, не дождавшись князя, ушел, сказав, что зайдет в другой раз.

Предчувствие или опыт подсказали мне, что эта личность может послужить ключом к разгадке тайны.

— Но где же проживает Шишков? У кого он сейчас служит или служил раньше?

На эти вопросы прислуга князя ничего не могла ответить, так как никто ничего не знал.

Немедленно я послал агента в адресный стол узнать адрес Шишкова. Прошел томительный час, пока агент вернулся.

— На жительство, по сведениям адресного стола, Гурий Шишков в Петербурге не значится, — вот ответ, который принес агент.

Между тем узнать местожительство Гурия Шишкова было весьма важно. Но как это сделать? Подумав, я приказал полицейскому надзирателю Б. немедленно ехать в тюрьму, в которой сидел Шишков, и постараться получить сведения о крестьянине Гурии Шишкове, выпущенном на свободу несколько дней тому назад. Эти сведения он должен был получить от сидевших с Шишковым и еще отбывающих срок наказания арестантов.

Я был вполне уверен, что этот прием даст желаемые результаты. «Быть не может, — думал я, — чтобы во время трехмесячного нахождения в тюрьме Шишков не рассказал о себе или о своих родных тому, с кем он дружил. Весь вопрос в том, сумеет ли выведать Б. то, что нужно».

Через три часа я уже знал, что Шишкова во время его заключения навещали знакомые и его жена, жившая, как указал товарищ Шишкова по заключению, на Васильевском острове, у кого-то в кормилицах.

Приметы Шишкова следующие: высокого роста, плечистый, с тупым лицом и маленькими глазами, на лице слабая растительность. Смотрит исподлобья.

— Прекрасно, поезжайте теперь к его жене, — сказал я Б., передавшему мне эти сведения, — и если